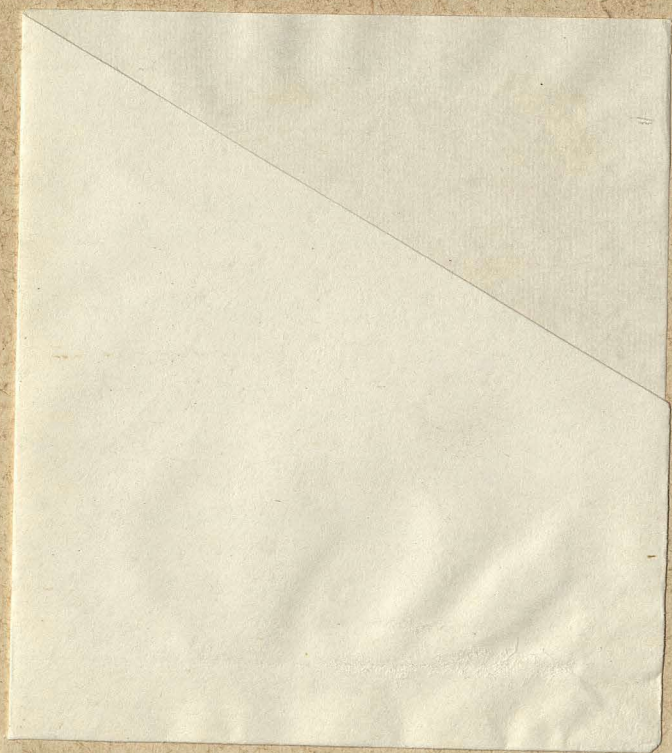

Ps $\frac{11}{1084}$

Р II
1084

Е. Короткова.

**ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ
РУССКІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ,**

ДРУГЪ ДИКИХЪ

Н. Н. МИКЛУХА-МАКЛАЙ.

В

СЪ 21 РИСУНКОМЪ.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о, Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1915.

Е. Короткова.

Р 11
1084
ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ

РУССКІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ,

другъ дикихъ

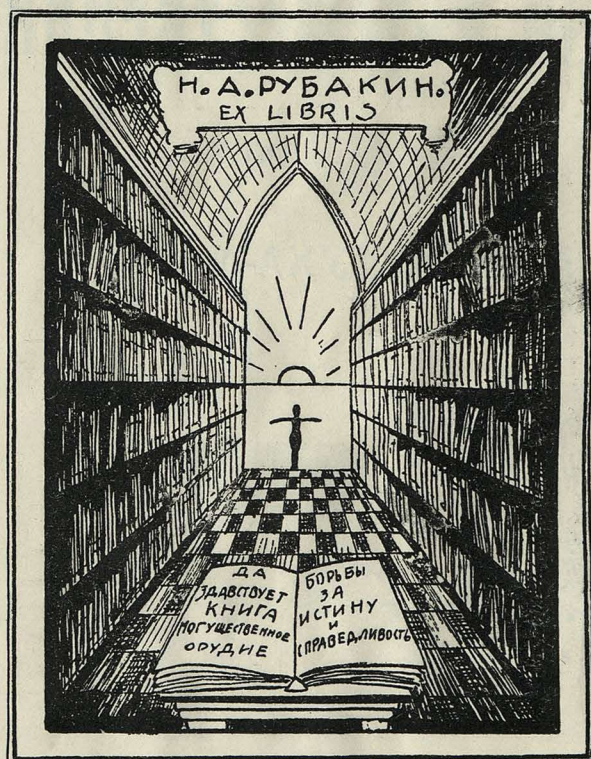
Н. Н. МИКЛУХА-МАКЛАЙ.

СЪ 21 РИСУНКОМЪ.

Государственная
ордена Ленина
Библиотека СССР
им. В. И. Ле

84200-118

2024380784

I. Кто былъ Миклуха-Мақлай.

Въ апрѣлѣ текущего года исполнилось 25 лѣтъ, какъ умеръ Николай Николаевичъ Миклуха-Мақлай, извѣстный путешественникъ и изслѣдователь острововъ Тихаго океана, прожившій чуть ли не половину своей жизни среди дикихъ племенъ Новой Гвинеи и острововъ Тихаго океана.

Но не только своими научными работами замѣчательнъ Миклуха-Мақлай. Особенно дорого въ немъ то душевное братское чувство, съ какимъ онъ работалъ среди дикарей.

Начавъ работу изучения жизни дикаго человѣка съ научной цѣлью, Миклуха-Мақлай скоро весь отдался работѣ для самихъ же этихъ дикарей. На первомъ планѣ для него встала ихъ польза, ихъ благополучіе, и всѣ научныя работы и изслѣдованія шли только заодно съ этимъ.

Вотъ почему въ письмѣ своемъ къ Миклухѣ-Мақлаю Л. Н. Толстой говоритъ, что онъ „знаменитъ не тѣмъ, за что всѣ считаютъ его таковымъ, а тѣмъ, что онъ въ самомъ дикомъ

Н. Н. Миклуха-Мақлай.

на земномъ шарѣ человѣкъ умѣлъ найти *человѣка* и пробудить въ немъ *человѣческія* проявленія“.

Не даромъ же и Элизе Реклю ученый — географъ, говоря о томъ, какъ недоверчиво дикари относятся къ бѣлымъ, пишетъ: „Туземцы съ полнымъ основаніемъ не доверяютъ бѣлымъ, держащимъ въ одной рукѣ револьверъ, а въ другой бутылку водки. Для ненасильственного же изученія быта дикарей нужны были такіе люди, какъ Миклуха-Маклай, который принялъ за правило быть всегда мягкимъ, терпѣливымъ, справедливымъ къ туземцамъ и который сумѣлъ среди величайшихъ опасностей остаться вѣрнымъ своимъ началамъ. Но подобные герои рѣдки“.

Миклуха-Маклай родился въ 1846 году въ селѣ Рождественскомъ, Новгородской губерніи. Отецъ его умеръ, когда мальчику едва исполнилось 11 лѣтъ, и послѣ этого семья перѣѣхала въ Петроградъ, гдѣ Миклуха-Маклай и поступилъ въ гимназію. Слабый, болѣзненный мальчикъ не осилилъ гимназіи и долженъ былъ выйти изъ VI класса. Затѣмъ Миклуха-Маклай поступилъ въ университетъ вольнослушателемъ, но скоро долженъ былъ оставить университетъ и поѣхать за границу, чтобы окрѣпить тамъ здоровьемъ и окончить образованіе.

Живо интересуясь многими вопросами, Миклуха-Маклай усердно работалъ, успѣвая слушать лекціи на нѣсколькихъ отдѣленіяхъ университета. Но больше всего его интересовали анатомія и особенно сравнительная анатомія, то-есть науки о томъ, какъ устроено тѣло различныхъ животныхъ, чѣмъ и почему отличается это устройство у нихъ другъ отъ друга, какъ одинъ и тотъ же органъ тѣла, начиная съ самаго простаго до самаго сложнаго животнаго, постепенно измѣняется, приспособляясь къ той жизни, которую приходится вести этому животному, почему и какъ одинъ видъ животныхъ черезъ длинный промежутокъ времени такъ сильно измѣняется, что отъ него происходятъ совсѣмъ другіе виды животныхъ.

Вотъ надъ чѣмъ Миклуха-Маклай усердно работалъ въ лабораторіяхъ и музеяхъ и для чего отдалъ такъ много силъ въ своей жизни. Его серьезныя занятія обращали на себя вниманіе профессоровъ, и еще въ 1866 году двадцатилѣтнему

Миклухъ-Маклаю предложено было отправиться на Канарскіе острова, въ Марокко и на островъ Мадера для занятій по сравнительной анатоміи.

На слѣдующій же годъ Миклуха-Маклай съ научною цѣлью ѣдетъ въ Малую Азію.

Не легко далось ему это путешествіе и работа надъ морскими животными на Красномъ морѣ. Жара была такъ велика, что съ трудомъ можно было брать въ руки микроскопъ. Лихорадка и другія болѣзни изнуряли тѣло, но хуже всего было то, что арабы очень недружелюбно встрѣчали всѣхъ иновѣрцевъ, и поэтому Миклухъ-Маклаю пришлось обрить себѣ голову, носить арабскій костюмъ, стараться вести разговоръ на арабскомъ языкѣ, чтобы меньше обращать на себя вниманія и меньше возбуждать непріязни. Не мало онъ натерпѣлся и отъ недостатка средствъ, хотя ему помогали немного консулы европейскихъ государствъ.

Вернувшись затѣмъ въ Петроградъ, Миклуха-Маклай снова занимался въ музеяхъ, но это уже не удовлетворило его, и вотъ въ 1870 году онъ рѣшилъ отправиться къ островамъ Тихаго океана, чтобы наблюдать тамъ животныхъ въ обычныхъ условіяхъ ихъ жизни, чтобы эти наблюденія были болѣе вѣрны.

Миклуха-Маклай въ арабскомъ костюмѣ во время своихъ работъ въ Малой Азіи.

Кромѣ изученія животныхъ, Миклуха-Маклай хотѣлъ познакомиться съ жизнью, нравами и обычаями дикихъ народовъ, населяющихъ побережья и острова Тихаго океана. Его интересовала жизнь первобытнаго человѣка, человѣка каменнаго вѣка, не знающаго еще иного орудія, кромѣ камня, костей и палокъ, не умѣющаго даже добывать огонь. Таковы были и наши предки, люди каменнаго вѣка, и Миклухъ-Маклаю было

интересно изучить, какъ они жили и какъ постепенно ихъ дикая жизнь преобразовалась въ нашу. Миклуха-Маклай рѣшился прожить на островахъ семь или восемь лѣтъ.

Миклуха-Маклай серьезно подготовлялся къ своему путешествію, ознакомился со всѣмъ, что было написано тогда объ островахъ Тихаго океана и населяющихъ ихъ дикаряхъ. Много говорилось и писалось о жестокостяхъ этихъ дикарей, о частыхъ нападеніяхъ, грабежахъ и убійствахъ, которые терпятъ бѣлые при поѣздкахъ къ дикимъ, но Миклуха-Маклай твердо вѣрилъ, что только несдержанность, безцеремонность, а подчасъ и жестокость, которую позволяли себѣ бѣлые съ туземцами, вызывали у дикарей такое отношеніе къ бѣлымъ.

Купцы, отправляющіеся на острова за различными мѣстными драгоценностями, обманывали дикарей и насильно отнимали у нихъ богатую добычу, солдаты жестоко расправлялись съ ними во время завоеваній и даже миссіонеры, которые должны были проповѣдывать среди дикарей ученіе Христа, не отказывались отъ помощи ружей и сабель и насиліемъ старались обратить ихъ въ свою вѣру.

Вотъ почему вездѣ, гдѣ только туземцы соприкасались съ бѣлыми, число ихъ быстро уменьшалось. Много туземцевъ гибло отъ пуль бѣлыхъ во время схватокъ, уцѣлѣвшіе убѣгали въ глубь страны, въ менѣе удобныя для жизни мѣста, оставляя свои плантаціи и хижины и часто даже убивая маленькихъ дѣтей, чтобы облегчить свое бѣгство. Чѣмъ могли защититься дикари, какъ могло создаться у нихъ доброе, довѣрчивое отношеніе къ бѣлымъ, этимъ жестокимъ непрошенымъ пришельцамъ?

„Единственнымъ союзникомъ туземцевъ въ борьбѣ ихъ съ бѣлыми, — говоритъ Миклуха-Маклай въ одномъ изъ своихъ писемъ, — явится, вѣроятно, климатъ Новой Гвинеи, неблагоприятный для существованія въ ней бѣлой расы“.

Миклуха-Маклай, твердо вѣря, что папуасы — такъ же какъ и всякій другой народъ — на ласку и доброе отношеніе отвѣтятъ только радушіемъ и довѣріемъ, смѣло и спокойно отправился къ нимъ.

Онъ просилъ русское Географическое Общество помочь ему переѣхать на какой-либо островъ Восточнаго океана и потомъ,

когда онъ кончитъ тамъ свои изслѣдованія, перевезти его обратно въ Европу.

Географическое Общество согласилось, и Миклуха-Маклай въ октябрѣ 1870 года на пароходѣ „Витязъ“ выѣхалъ изъ Петрограда и направился къ островамъ Тихаго океана. Еще на пути туда ему пришлось близко узнать о тѣхъ жестоко-стяхъ, которыя позволяютъ себѣ бѣлые по отношенію къ туземцамъ. Много услышалъ онъ разсказовъ о томъ, какъ бѣлые, чтобы завладѣть богатой добычей, чтобы выселить или хотя бы оттѣснить туземцевъ въ глубь острововъ, пускаютъ въ ходъ все, что только могутъ: обманъ, угрозы, а иногда и просто сжигаютъ туземныя деревни, силой заставляютъ ихъ переселяться на другіе острова, а оставшихся дѣлаютъ своими рабами. Вотъ почему Миклуха-Маклай для своихъ изслѣдованій выбралъ одинъ изъ наименѣе изслѣдованныхъ тогда европейцами острововъ—Новую Гвинею. Тамъ среди незлобленнаго, нераздраженнаго еще населенія онъ надѣялся создать съ туземцами дружескія, сосѣдскія отношенія, тамъ онъ надѣялся наблюдать и неизмѣненную еще бѣлыми первобытную жизнь дикаря.

II. Первое знакомство на Новой Гвинее съ жизнью папуасовъ.

Боясь, что другіе участники экспедиціи не сумѣютъ ласково, любовно относиться къ дикарямъ и только помѣшаютъ ему, Миклуха-Маклай рѣшилъ одинъ поселиться среди папуасовъ и въ сентябрѣ 1871 года высадился только съ двумя слугами на сѣверо-восточномъ берегу Новой Гвинеи, въ бухтѣ Астролябіи и здѣсь съ помощью матросовъ „Витязя“ выстроилъ себѣ небольшой домикъ, вырубивъ среди лѣса площадку саженей въ 30.

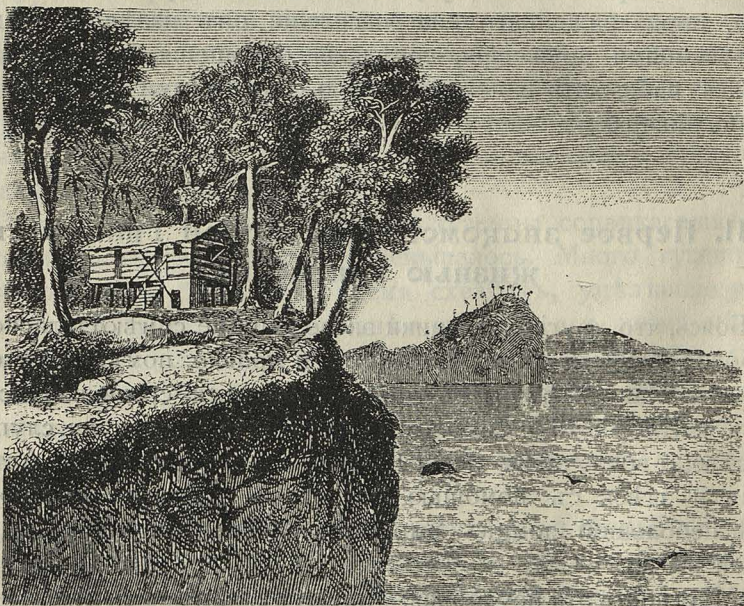
„Мѣстность эта неудобная,—пишетъ капитанъ „Витязя“:—въ случаѣ крайности Миклухѣ-Маклаю отрѣзаны всѣ пути для отступленія; кромѣ того, эта мѣстность имѣетъ всѣ данныя для развитія лихорадки. Уже черезъ пять дней по уходѣ корвета въ командѣ начала развиваться лихорадка, вынесенная, очевидно, отсюда. Кромѣ этихъ губительныхъ условій, Миклуха-Маклай не можетъ увидѣть изъ своего жилья ни одного проходящаго корабля, и также ни одинъ корабль, проходя

мимо, не будетъ въ состояніи замѣтить пребыванія европейца и флага, который Миклухъ-Маклаю устроили на мачтѣ“.

Простоявъ нѣсколько дней и снабдивъ Миклуху-Маклая провизіей, „Витязъ“ снялся съ якоря и ушелъ, не надѣясь видѣть больше въ живыхъ смѣлаго ученаго.

Самъ же Миклуха-Маклай описываетъ мѣстность Астролябии такъ:

„Мѣстность берега Маклая (такъ впоследствии былъ названъ этотъ берегъ) вся покрыта густымъ лѣсомъ и очень гориста... Когда подъѣзжаешь на кораблѣ къ бухтѣ Астролябии, то не видно ни малѣйшихъ признаковъ человѣческаго жилья; только изрѣдка поднимается столбомъ дымъ, который указываетъ на близость человѣка. Весь берегъ сплошь покрытъ густымъ лѣсомъ. Разсматривая его внимательно въ зрительную трубу, видишь отдѣльныя группы кокосовыхъ

Домъ Миклухи-Маклая въ Новой Гвинее.

(Рисунокъ Н. Н. Миклухи-Маклая.)

пальмъ и спрятанные въ кустарникахъ челноки папуасовъ. Тропинка, идущая съ морского берега въ лѣсъ, приводитъ въ пальмовую рощу, среди которой, на открытомъ мѣстѣ, въ тѣни кокосовыхъ пальмъ стоятъ хижины дикарей“...

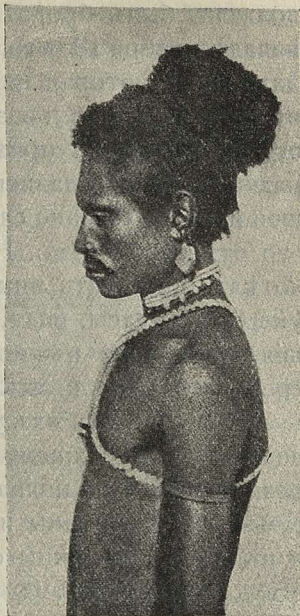
„Высадившись на берег,—пишетъ дальше Миклуха-Маклай,—я избралъ для постройки хижины мысокъ, довольно отдаленный отъ сосѣднихъ деревень; мѣстность эта не принадлежала никому, не была занята до моего поселенія никѣмъ: такимъ образомъ, поселившись внѣ деревень, я не навязывалъ жителямъ моего постоянного присутствія. Это обстоятельство оказалось въ высшей степени удачнымъ шагомъ для моего дальнѣйшаго сближенія съ дикими.

„Жители Астролябъ бея (берега) оказались подозрительными, и имъ не нравились мои визиты къ нимъ, хотя сами они приходили ко мнѣ за табакомъ или разными бездѣлками, которыя я имъ дарилъ или вымѣнивалъ за плоды и овощи. Они слѣдили за каждымъ моимъ шагомъ, въ особенности когда я подходилъ къ ихъ деревнямъ.

„Я сталъ понемногу изучать ихъ языкъ, но изученіе шло медленно, папуасы неохотно и лѣниво отвѣчали на мои вопросы“.

Лишь на 23-мъ мѣсяцѣ своей жизни среди папуасовъ Миклуха-Маклай совершенно случайно узналъ выраженіе: „какъ называется“. До этого времени, чтобы выучить слова папуасовъ, Миклуха-Маклай выставлялъ нѣсколько предметовъ на столъ и называлъ ихъ одинъ за другимъ по-русски. Тогда одинъ или всѣ разомъ туземцы, понявъ въ чемъ дѣло, говорили названіе предметовъ по-туземному. Но часто каждый изъ нихъ говорилъ разныя слова, очевидно, называя каждый различные признаки выставленнаго предмета. Какъ же трудно было разобратъ Миклухѣ-Маклаю во всѣхъ этихъ чуждыхъ словахъ и уловить то, которое было ему нужно.

„Нездоровая мѣстность скоро дала себя знать,—пишетъ дальше Миклуха-Маклай.—Одинъ изъ моихъ слугъ захворалъ и слегъ, его примѣру послѣдовалъ и другой. Мнѣ пришлось готовить пищу для троихъ, лѣчить больныхъ, ухаживать за ними, носить воду, рубить дрова, принимать визиты папуа-

Папуась берега Маклая.

совѣ, дѣлать метеорологическія ¹⁾ и другія наблюденія. Скоро слугу Уальсона (шведа) я поставилъ на ноги, и онъ могъ мнѣ помогать.

„Изслѣдованія и наблюденія надъ жизнью животныхъ приходилось производить на коралловыхъ рифахъ, но для этого я долженъ былъ бродить по поясъ или по колѣно въ водѣ. Въ началѣ ноября 1871 года и я почувствовалъ первые пароксизмы лихорадки, которая не покидала меня во все время пребыванія въ Новой Гвинее и возвращалась каждыя 2 недѣли. Поневолѣ отъ изслѣдованій приходилось отказываться. Приступы лихорадки сопровождались бредомъ и сильной опухолью лица, шеи и рукъ. Однако самъ я, когда болѣлъ, тщательно скрывалъ это отъ туземцевъ... Наконецъ, слуга-полинезецъ, который не хотѣлъ принимать никакого лѣкарства, хотя страдалъ сильно, умеръ. Папуасы, видя, что насъ только двое, предполагая большія сокровища въ моей хижинѣ, дѣлались все нахальнѣе и требовательнѣе и стали угрожать убить меня и Уальсона.

„Я принималъ ихъ угрозы шутками и, не обращая на нихъ вниманія, попрежнему ходилъ по лѣсу и посѣщалъ ихъ деревни. При моемъ появленіи въ деревняхъ поднималась страшная суматоха. Женщины и дѣти съ визгомъ бросались въ хижины и въ лѣсъ, мужчины съ оружіемъ, съ крикомъ и съ особеннымъ воинственнымъ рычаніемъ сбѣгались и окружали меня. Не разъ потѣшались они, пуская стрѣлы такъ, что стрѣлы очень близко пролетали около моего лица и груди, приставляли свои тяжелыя копья вокругъ моей головы и шеи и даже подчасъ безъ церемоній совали острия копья мнѣ въ ротъ и разжимали ими зубы. Но, исключая двухъ или трехъ царепинъ, никто не рѣшался нанести мнѣ рану.

„Замѣтивъ, что мой приходъ въ деревню нарушалъ обычное теченіе жизни туземцевъ, что при моемъ появленіи всѣ женщины съ дѣтьми стремглавъ бросались въ кусты, а мужчины брались за оружіе, окружали меня и угрожали убить, я постарался найти средство, чтобы не беспокоить ихъ внезапнымъ появленіемъ. Видя, что неожиданность моего прихода сильно ихъ беспокоитъ и такъ имъ надоѣдаетъ, я обыкновенно, подходя къ деревнѣ, останавливался и рѣзкимъ свистомъ давалъ знать о моемъ приближеніи для того, чтобы дать женщинамъ

¹⁾ Метеорологическія наблюденія—наблюденія надъ измѣненіями въ атмосферѣ.

время убраться съ дѣтьми въ кусты и спрятаться тамъ. Я скоро замѣтилъ, что вслѣдствіе этого туземцы, зная, что я не приду неожиданнымъ гостемъ, стали совершенно иначе относиться къ моимъ визитамъ и гораздо рѣже брались за оружіе.

„Я отправлялся всюду невооруженнымъ, и спокойное молчаніе и полное равнодушіе къ окружающему было отвѣтомъ на всѣ эти любезности папуасовъ. Дикихъ ставило втупикъ мое неизмѣнное равнодушіе, я же понималъ сразу, въ чемъ моя сила, и не измѣнилъ своего обращенія съ ними... Я рѣшилъ, что когда-нибудь папуасы привыкнутъ къ моимъ посѣщеніямъ, и спокойно спать въ папуасской деревнѣ, несмотря на копья и стрѣлы туземцевъ“.

III. Дружба завязывается.

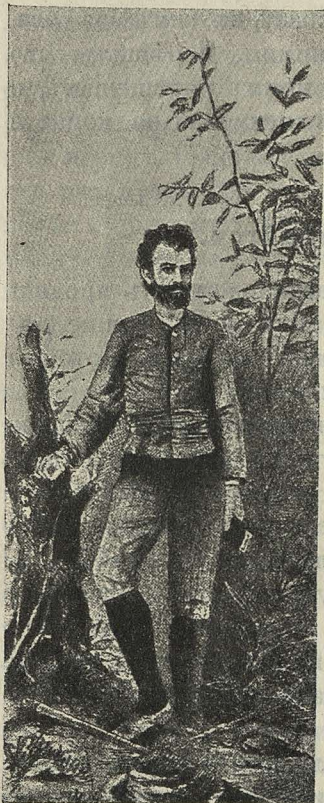
„Недовѣріе папуасовъ было такъ велико, что, въ продолженіе первыхъ пяти мѣсяцевъ нашего знакомства, они не рѣшались даже показать мнѣ своихъ женъ и дѣтей, которыя убѣгали и прятались при моемъ приближеніи“.

Но мало-по-малу ровнымъ дружелюбнымъ отношеніемъ, не вмѣшиваясь въ жизнь дикарей, безъ навязчивости, только своей постоянной готовностью притти на помощь папуасамъ Миклуха-Маклай успокоилъ подозрительность своихъ недовѣрчивыхъ сосѣдей, приучилъ и привлекъ ихъ къ себѣ. Папуасы не видѣли уже въ немъ ничего угрожающаго, опаснаго и доверчиво шли за совѣтомъ и за помощью. Они стали позволять женщинамъ оставаться въ его присутствіи, охотно приносили ему съѣстные припасы, искали сближенія съ нимъ и даже его расположенія.

Очень помогло этому то, что Миклуха-Маклай вылѣчилъ одного изъ папуасовъ, которому свалившееся дерево проломило голову. Перевязывая каждый день раненаго, Миклуха-Маклай невольно видѣлся съ жителями его деревни и сближался съ ними. Теперь онъ могъ легче оказывать имъ разныя услуги, дѣлиться орудіями, инструментами и передать папуасамъ то, что знаетъ самъ и что могло облегчить ихъ жизнь. Въ концѣ концовъ его знанія, его неустрашимость создали среди дикарей убѣжденіе, что ихъ сосѣдъ необыкновенный человѣкъ. Одинъ случай еще болѣе убѣдилъ ихъ въ этомъ.

Какъ-то разъ, чтобы найти какую-то вещь, Миклуха-Маклай зажегъ на террасѣ своего дома голубой бенгальскій огонь. Это

голубое пламя туземцы приняли за свѣтъ луны, принесенный будто бы бѣлымъ съ собой съ неба. Тогда многое для дикарей сдѣлалось яснымъ: бѣлый обладаетъ сверхъестественной силой, онъ не простой человѣкъ, а Каарамъ-тамо — человѣкъ съ луны. Вотъ почему онъ такъ неустрашимъ, такъ спокоенъ. Онъ можетъ дѣлать чудесное, увѣряли даже, что онъ можетъ зажечь воду и можетъ летать.

Миклуха-Маклай въ Новой Гвинее.

Уваженіе къ бѣлому еще больше возросло, а къ уваженію примѣшался еще и страхъ. Жутко было навлечь на себя гнѣвъ или недожество Каарамъ-тамо.

Все, что окружало бѣлаго человѣка, было непонятно и жутко дикарямъ. Компасъ съ „живой“ стрѣлкой, которая говорила своему хозяину, куда нужно идти, инструменты для зоологическихъ работъ и наблюденій надъ атмосферными явленіями, голубое пламя бенгальскаго огня, даже пища путешественника, — все поражало и внушало страхъ. Одно только поняли дикари, что этотъ странный, чуждый имъ человѣкъ, не принесетъ имъ вреда, что онъ ихъ вѣрный и добрый другъ. Довѣріе къ нему до того возросло, что разъ на время войны одно изъ племенъ даже рѣшило поручить Миклухѣ-Маклаю дѣтей и женъ. Но непріятель, узнавъ, что Миклуха-Маклай согласился на это, побоялся напасть на народъ, которому покровительствуетъ Каарамъ-тамо.

Но, несмотря на такое отношеніе большинства папуасовъ, все же были среди нихъ и сомнѣвающіеся въ его силѣ люди, и иногда Миклухѣ-Маклаю приходилось переживать трудныя, жуткія минуты.

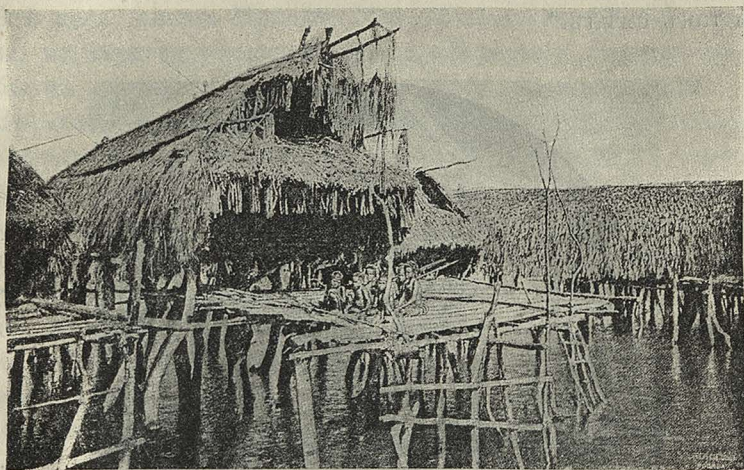
Однажды въ одномъ селеніи Миклуха-Маклай вошелъ въ барлу — большую хижину, въ которой папуасы-мужчины хра-

нять свое оружіе, музыкальные инструменты и собираются для бесѣды.

Всѣ собравшіеся были очень взволнованы и видимо говорили о Миклухѣ-Маклаѣ. Вдругъ одинъ изъ хорошо знакомыхъ Миклухѣ-Маклаю папуасовъ, старикъ Саулъ, подошелъ къ нему и спросилъ:

— Маклай, скажи, можешь ты умереть, быть мертвымъ, какъ люди Бонгу, Богатимъ, Били-били?

Миклуха-Маклай всегда, въ какомъ бы это случаѣ ни было, говорилъ только одну правду. Его любимая индѣйская посло-

Барла — общественная хижина папуасовъ.

вица: „Всего вѣрнѣе на свѣтѣ слово честнаго человѣка“, исполнялась имъ строго.

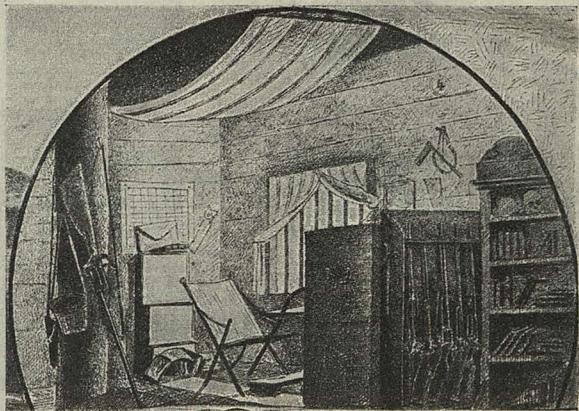
„Я строго наблюдалъ,—пишетъ онъ въ дневникѣ,—чтобъ всегда, даже малѣйшее, данное мною обѣщаніе было исполнено. У папуасовъ такимъ образомъ явилось убѣжденіе, выражаемое ими въ трехъ словахъ и ставшее у нихъ въ родѣ поговорки: „Баланъ Маклай Худи“, что въ переводѣ значитъ: „слово Маклая одно“. Но, чтобъ дойти имъ до такого мнѣнія, я дѣйствительно долженъ былъ весьма заботиться объ этомъ: никогда ничего не обѣщать, чего не могу сдѣлать“.

Что же отвѣтить теперь? Если бы Миклуха-Маклай сказалъ, что можетъ умереть, какъ всѣ, то уваженіе, которымъ онъ пользовался, поколебалось бы, и, пожалуй, папуасы попробовали бы сдѣлать надъ нимъ страшный опытъ. Сказать же не-

правду онъ не могъ. Миклуха-Маклай задумался на нѣсколько мгновений, потомъ снялъ копье, висѣвшее тутъ же на стѣнѣ, и передалъ его Саулу.

„Затѣмъ, снявъ шляпу, которой широкія поля скрывали лицо (чтобы туземцы могли по выраженію лица видѣть, что Маклай не шутитъ и не моргнуть, что бы ни случилось), сказалъ: „Попробуй, посмотри, могу ли я умереть.“

Саулъ даже не поднялъ копья, а нѣсколько папуасовъ бросились впередъ, чтобы заслонить Миклуху-Маклая отъ копья Саула. Больше никто уже не спрашивалъ, можетъ ли умереть Миклуха-Маклай. Было ясно, что только безсмертный могъ быть такъ смѣлъ.“

Кабинетъ Миклухи-Маклая.

Такъ вышелъ Миклуха-Маклай изъ затруднительнаго положенія. Уваженіе къ нему и влияніе его на папуасовъ еще возросло.

Однажды Миклухѣ-Маклаю нужно было поѣхать въ научную экскурсію во внутрь страны, и приходилось оставлять все свое имущество и съѣстные продукты въ домѣ. Миклуха-Маклай зналъ, что чѣмъ крѣпче онъ будетъ запираетъ двери, тѣмъ скорѣе у нѣкоторыхъ явится охота проникнуть въ домъ. Поэтому, когда папуасы пришли проститься, онъ прибилъ сверху и снизу дверной ручки маленькіе гвоздики, вынулъ изъ кармана клубочекъ съ бѣлыми, очень тонкими нитками и переплелъ ихъ съ одного гвоздя на другой, чтобы дверь не могла быть отперта, не разорвавъ нитки.

Это былъ единственный запоръ его дома, но и его было достаточно: когда Миклуха-Маклай вернулся, нитяный переплетъ дверей былъ цѣлъ, никто не посмѣлъ нарушить его.

Теперь Миклуха-Маклай былъ желаннымъ гостемъ въ домѣ папуасовъ. Близко подошелъ онъ къ ихъ жизни, много интереснаго и важнаго удалось ему наблюдать и подмѣтить, но не легко ему это далось.

Сколько нужно было смѣлости, терпѣнія, безконечной сдержанности, чтобы добиться такого къ себѣ отношенія, сколько нужно было терпѣнія и труда для изученія языка папуасовъ, чтобы хоть сколько-нибудь понимать другъ друга!

Всѣ свои записи Миклуха-Маклай хранилъ закопанными въ землю на заранѣ условленномъ съ офицерами „Витязя“ мѣстѣ, чтобы въ случаѣ его смерти всѣ труды его не пропали.

Въ этотъ годъ съ Новой Гвинеи Миклуха-Маклай сѣзидилъ на группу острововъ, неизвѣстныхъ до сихъ поръ европейцамъ. Жители этихъ острововъ, кажется, были вполне довольны своей жизнью. Они жили осѣдло, разводили корнеплодныя растенія, свиней, куръ. Отношенія ихъ другъ къ другу, къ дѣтямъ и женщинамъ было доброе, любовное. Даже климатъ этого архипелага былъ лучше: здѣсь не было той тяжелой лихорадки, которая изнуряла людей другихъ близъ лежащихъ острововъ. Поэтому Миклуха-Маклай назвалъ эту группу острововъ „Архипелагомъ счастливыхъ людей“.

Прошелъ уже цѣлый годъ такой полной волненій, опасностей и труда жизни среди дикарей.

Силы, и вообще не очень крѣпкаго здоровьемъ, Миклухи-Маклая замѣтно таяли, его мучила изнурительная лихорадка съ частыми приступами. Запасъ провизіи былъ на исходѣ, приходилось очень экономить и питаться непривычной пищей. Всѣ его 12 паръ обуви изорвались, приходилось ходить въ тяжелыхъ охотничьихъ сапогахъ съ отрѣзанными для легкости голенищами, но и они были слишкомъ тяжелы, — ноги покрылись ранами, которыя плохо залѣчивались. Спички отсырѣли, и поэтому Миклухѣ-Маклаю, какъ и его дикимъ сосѣдямъ, приходилось постоянно заботиться о поддержаніи огня. Онъ рубилъ и таскалъ тяжелые пни и деревья къ своему шалашу, который къ этому времени совсѣмъ уже разваливался, — его приходилось постоянно чинить и ставить подпорки. А един-

ственный помощникъ его слуга—Уальсонъ лежалъ въ тяжелой лихорадкѣ. Запасы хины всѣ вышли, и нечѣмъ было съ лихорадкой бороться. Въ такомъ печальномъ положеніи застало Миклуху-Маклая снаряженное Географическимъ Обществомъ на его поиски торговое судно „Изумрудъ“.

Съ грустью прощался Миклуха-Маклай съ папуасами, два дня и двѣ ночи ходилъ онъ по сосѣднимъ деревнямъ, навѣщая своихъ друзей, а они провожали его толпами. Папуасамъ уже не хотѣлось отпускать „своего Маклая“, они привыкли къ нему, они поняли, какъ много давалъ имъ бѣлый и какъ необходимъ онъ для нихъ.

Они предложили даже, что въ каждой деревнѣ построить для Миклухи-Маклая по хижинѣ, въ каждую дадутъ много съѣстныхъ припасовъ и даже по женщинѣ для хозяйства. Но и это не склонило Маклая. Совсѣмъ больной, въ декабрѣ 1872 года онъ отплылъ къ острову Ява, чтобы поправить здѣсь здоровье, отдохнуть и привести въ порядокъ все то, что удалось ему собрать и записать въ 16 мѣсяцевъ жизни на берегу Маклая.

IV. Второй разъ въ Новой Гвинее.

Но не совсѣмъ покинулъ Миклуха-Маклай Новую Гвинею. Отдохнувъ на островѣ Явѣ и приведя въ порядокъ свои замѣтки и рукописи, черезъ 4 мѣсяца Миклуха-Маклай уже снова отправился, какъ и общалъ папуасамъ, въ Новую Гвинею. Но на этотъ разъ онъ остановился на юго-западномъ берегу острова Папуа-Ковіай, жители котораго славились постоянными войнами съ сосѣдями, своими набѣгами и грабежами торговцевъ. Поэтому туда рѣдко заглядывали европейцы, а именно такое-то мѣсто и искалъ Миклуха-Маклай. Съ двумя слугами и папуасскимъ мальчикомъ Ахмитомъ, который давно уже жилъ у него, Миклуха-Маклай рѣшилъ остаться на берегу Папуа-Ковіай всего нѣсколько мѣсяцевъ. Экипажъ, привезшій его, построилъ ему домъ въ живописной мѣстности Айва.

„Папуасы были очень изумлены,—пишетъ Миклуха-Маклай,—моимъ намѣреніемъ жить между ними, но относились ко мнѣ дружелюбно. Такъ какъ береговые папуасы Ковіай ведутъ жизнь, кочуя въ своихъ пирогахъ изъ одного залива въ другой, то моя хижина скоро стала центромъ сбора, около

котораго постоянно толпились пироги жителей. Ихъ начальники ежедневно посѣщали меня, увѣряя въ преданности и дружбѣ“.

Отсюда Миклуха-Маклай дѣлалъ экскурсіи вглубь страны, въ совершенно дикую и безлюдную часть острова.

„Я имѣлъ случай видѣть при этой экскурсіи,—пишетъ Миклуха-Маклай,—одну изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей Остѣ-Индскаго архипелага. Море съ многочисленными заливами и проливами, отвѣсныя скалы, высокіе хребты горъ съ разнообразными очертаніями, богатая растительность... Часто мѣстность не довольно назвать красивой, но надо назвать величественной“.

И среди этой дивной природы Миклуху-Маклая удивляло, что „на протяженіи всего берега Ковіай встрѣчаются только три или четыре постройки, которыя можно назвать хижинами, всѣ остальные едва заслуживаютъ названія шалашей. Между ними встрѣчаются часто такія, въ которыхъ можетъ помѣститься одинъ человѣкъ и то только въ лежачемъ положеніи. Рѣдко можно застать въ нихъ жителей. Все населеніе скитается по заливамъ и бухтамъ въ своихъ пирогахъ, оставаясь только нѣсколько часовъ или дней въ одной мѣстности. Въ этихъ крытыхъ лодкахъ живутъ ихъ жены и дѣти и помѣщается все ихъ имущество. Только на ночь или въ свѣжую погоду они пристають на песчаный берегъ, который имъ служить станціей. Причина тому, главнымъ образомъ, постоянныя войны между самимъ населеніемъ и нападеніе на берегъ Ковіай враждебныхъ племенъ съ цѣлью убійства, грабежа и добычи рабовъ. Постоянная опасность заставила жителей бросить свои жилища, плантаціи на берегу и обратиться въ водяныхъ кочевниковъ.“

„Сравнивая жизнь папуасовъ Ковіай съ жизнью папуасовъ берега Маклая, встрѣчаешь большое различіе между обоими населеніями. Несмотря на то, что папуасы Ковіай знакомы съ желѣзомъ и разными орудіями, и познакомились съ одеждою и огнестрѣльнымъ оружіемъ, и носятъ серебряныя и даже золотыя украшенія, но они остались и остаются бродячимъ племенемъ.“

„Недостатокъ пищи, вслѣдствіе неимѣнія плантацій и домашнихъ животныхъ, заставляетъ ихъ скитаться по заливамъ въ поискахъ морскихъ животныхъ, за ловлею рыбъ, бродить по лѣсамъ, разыскивая плоды, листья и корни. На

вопросъ при встрѣчѣ: „куда?“ или „откуда?“—я всегда почти получалъ отвѣтъ отъ папуасовъ: „ищу“ или „искалъ, что поѣсть“.

„Папуасы берега Маклая, хотя не имѣютъ сношенія съ другими, хотя не были знакомы до моего посѣщенія ни съ однимъ металломъ, однако строили и строятъ своими каменными топорами большія селенія съ очень удобными, часто большими хижинами; обрабатываютъ тщательно свои плантаціи, которыя круглый годъ снабжаютъ ихъ пищей; имѣютъ домашнихъ животныхъ: свиней, собакъ и куръ. Вслѣдствіе осѣдлаго образа жизни и союза многихъ деревень между собою войны у нихъ сравнительно гораздо рѣже, чѣмъ между туземцами Папуа-Ковіай“.

Съ берега Папуа-Ковіай Миклуха-Маклай дѣлалъ экскурсіи внутрь страны: ему хотѣлось изслѣдовать горы, которыя сами жители Папуа-Ковіай никогда не переходили.

Во время одной изъ этихъ экскурсій горные жители напали на домъ Миклухи-Маклая, разграбили его и даже убили жену и дочь начальника сосѣдней деревни Андумы, которыя спрятались въ домѣ бѣлаго. Многія цѣнныя для Миклухи-Маклая вещи погибли отъ этого набѣга. Миклуха-Маклай хотѣлъ все же продолжать жить въ Айва, но его помощники не согласились на это, боясь новаго нападенія, и потому онъ переѣхалъ на сосѣдній островъ. Изъ листьевъ пальмы съ крыши своего стараго дома Миклуха-Маклай построилъ небольшой шалашъ для себя одного, такъ какъ больше никто не рѣшался оставаться на берегу. Всѣ ночевали на суднѣ.

„Но мнѣ не пришлось болѣе жить спокойно,—пишетъ Миклуха-Маклай.—Обстоятельства съ каждымъ днемъ усложнялись. Горные и береговые папуасы дѣйствительно приходили еще разъ въ Айву. Также я узналъ, что жители Наматоте хотятъ напасть и на мою новую резиденцію. Каждый день являлись новости: то тѣ, то другіе замышляли недоброе противъ меня. То здѣсь видѣли подозрительныхъ лицъ, то тамъ замѣчали свѣжіе слѣды неизвѣстныхъ людей, бродившихъ около моей хижины и даже проводившихъ ночь вблизи нея. Приходилось быть на-сторожѣ. Что мнѣ особенно надоѣло,—это постоянное безпокойство окружавшихъ меня людей и ихъ страхъ нападенія, убійства, грабежа“.

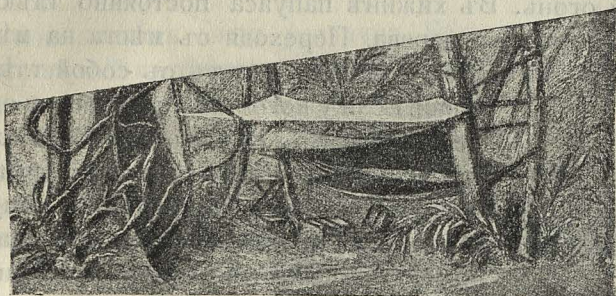
Такое положеніе было слишкомъ тяжело для Миклухи-Маклая, и, пробывши на берегу Папуа-Ковіай два мѣсяца, онъ рѣшилъ уѣхать и въ апрѣлѣ 1874 года оставилъ юго-западный берегъ Новой Гвинеи.

Несмотря на все пережитое здѣсь, Миклуха-Маклай пишетъ: „Я надѣюсь, что эта экскурсія не останется моимъ послѣднимъ посѣщеніемъ Новой Гвинеи“.

И дѣйствительно, отдохнувши немного на островѣ Ява и сдѣлавъ трудную экскурсію вглубь полуострова Малакки, о которой онъ самъ пишетъ, что „экскурсія оказалась труднѣй, чѣмъ я ожидалъ“, онъ въ 1876 году, заѣхавъ по пути на острова Адмиралтейства, снова высаживается на берегу Маклая у своихъ старыхъ друзей лишь съ тремя помощниками.

Съ восторгомъ встрѣтили папуасы берега Маклая своего друга и теперь еще болѣе, чѣмъ прежде, были преданы ему.

Особенно радовало дикарей то, что не забылъ ихъ Миклуха-Маклай, и на этотъ разъ остался вѣренъ своему слову, и пріѣхалъ къ нимъ.

Временная палатка Миклухи-Маклая среди лѣса.

Забываясь о папуасахъ, Миклуха-Маклай привезъ много скота, различныхъ орудій и другихъ вещей, необходимыхъ для папуасовъ.

Какъ и въ первый свой пріѣздъ, въ этотъ разъ Миклуха-Маклай продолжалъ свои научныя работы надъ изученіемъ мозга животныхъ, но главное вниманіе свое обратилъ онъ на изученіе жизни, нравовъ и обычаевъ туземцевъ. Теперь ему легче было вести свои наблюденія. Всюду желанный гость, Миклуха-Маклай легко могъ наблюдать жизнь папуасовъ. Всѣ обычаи и церемоніи происходили при немъ: папуасы не дичились, не боялись больше „своего Маклая“, который къ этому времени уже достаточно освоился и съ папуасскимъ языкомъ.

Спокойно шелъ Миклуха-Маклай вглубь страны: онъ всюду встрѣчалъ дружескій пріемъ, да и въ проводникахъ не было больше недостатка. Кто-нибудь изъ жителей провожалъ его

отъ одной деревни до другой, а на обратномъ пути провожа-
тыхъ набиралась цѣлая толпа,—такъ какъ всѣмъ хотѣлось
посмотрѣть Талъ-Маклай (домъ Маклая).

Въ одну изъ своихъ экскурсій Миклуха-Маклай пребылъ 2
дня въ деревнѣ Еремни, жители которой оказались людоедами,
они съѣдали послѣ войнъ всѣхъ убитыхъ, при чемъ особенно
вкуснымъ считался у нихъ головной мозгъ и мягкія части го-
ловы. Всѣ кости тщательно обглаживались и бросались въ море.

Да и жители берега Маклая, хотя и не были людоедами,
но находились еще на самой низкой ступени развитія,—они не
знали еще употребленія металловъ, большинство изъ нихъ не
умѣло добывать и огня. Лишь жители горъ добывали огонь
трениемъ, но тратили каждый разъ на это слишкомъ много
времени и поэтому сами считали выгоднѣе поддерживать по-
стоянный огонь. Въ хижинѣ папуаса постоянно тлѣютъ угли
медленно горящаго дерева. Переходя съ мѣста на мѣсто или

отправляясь на охоту, папуасы несутъ съ собой тлѣющія го-
ловни. Если у кого-нибудь погасалъ огонь, онъ
шелъ добывать его у сосѣда. Если случалось,
что вся деревня теряла огонь, приходилось
итти къ жителямъ горъ. Многие папуасы по-
мнили еще то время, когда ихъ народъ не
зналъ совсѣмъ огня, и мясо и плоды съѣда-
лись сырыми.

Орудіями папуасовъ были только камен-
ные топоры, сдѣланные изъ отбитыхъ оскол-
ковъ, ножами имъ служили кости кенгуру или
свиньи, куски кремня, маленькія раковины или
отточенный заостренный бамбукъ. Изъ этого
же матеріала дѣлалось и оружіе—лукъ, стрѣ-
лы и копья.

Государства у папуасовъ не было; они
жили отдѣльными деревнями, между которы-
ми часто разгорались войны.

Молотокъ папуаса.

Всѣ важныя общія дѣла въ деревнѣ рѣ-
шались общимъ собраніемъ, созывавшимся
ударами въ особые деревянные барабаны—„барумъ“, въ родѣ
корыта съ толстыми стѣнками. Такіе барабаны ставились около
общественной хижины—браумбрамба. По барабану ударяли
бамбуковой палкой, и звукъ его слышался за нѣсколько
верстъ. По характеру звука папуасы легко могутъ узнать, для

чего сзываютъ ихъ на общее собраніе—предстоитъ ли празднество, грозить ли нападеніе или какое-нибудь другое несчастіе.

Деревни папуасовъ обычно распадаются на нѣсколько группъ, по 3—4 хижины вмѣстѣ, и эти группы соединяются между собой тропинками черезъ дѣвственный лѣсъ. Смотря по тому, въ какой мѣстности расположена деревня, жилища въ ней устраиваются то на высокихъ, то на болѣе низкихъ сваяхъ, то прямо на самой землѣ.

Строятся хижины изъ бамбука и пальмовыхъ листьевъ и служатъ, главнымъ образомъ, только для сна, защиты въ ненастную погоду и храненія запасовъ.

Величина хижинъ очень различна. Есть такія маленькія хижины, что въ ней съ трудомъ можетъ помѣститься одинъ человекъ, да и то лежа, семейныя хижины дѣлаются больше, а въ общественную хижину, или „браумбрамба“ могутъ собираться всѣ мужчины деревни и ихъ гости. Въ этихъ хижинахъ устраивается нѣсколько дверей, и онѣ украшаются нижними челюстями заколотыхъ на пиршествахъ свиней, черепами рыбъ и т. под.

Обычно же убранство хижинъ очень просто: по стѣнамъ стоятъ бамбуковыя скамьи, гдѣ спятъ мужчины (женщины могутъ спать только на полу), стоитъ всякая утварь и съѣстные припасы, а къ балкамъ крыши привѣшены узлы и корзины съ разными цѣнными вещами; тутъ же стоятъ нѣсколько паръ копій, стрѣлы, рыболовныя принадлежности, музыкальные инструменты, флейты, барабаны и труборогі. Посрединѣ хижины постоянно поддерживается огонь. Подлѣ каждой хижины стоитъ что-то въ родѣ высокаго стола или скамьи—борла, гдѣ обыкновенно папуасы-мужчины ѣдятъ, пьютъ и принимаютъ гостей. Пообѣдавъ, папуасы убираютъ остатки ѣды и ложатся спать на этихъ же подмосткахъ. Тамъ не мѣшаютъ имъ многочисленныя собаки и свиньи, постоянно разгуливающія около хижинъ.

Изъ домашнихъ животныхъ до Миклухи-Маклая папуасы разводили только куръ, свиней и собакъ. Папуасскія собаки невысокія, головы ихъ похожи на лисью, морда тупая, уши стоячія; онѣ интересны тѣмъ, что не лаютъ, а только завываютъ. Питаются онѣ только растеніями и всего больше любятъ

Скамеечки, которыя служатъ папуасамъ вмѣсто подушки.

кокосовые орѣхи. Къ своимъ животнымъ папуасы относятся съ большой любовью, о маленькихъ поросятахъ и щенятахъ особенно заботятся, часто носятъ ихъ съ собой всюду. Иногда случалось, что наравнѣ со своимъ ребенкомъ папуаска кормитъ грудью и маленькаго щенка и поросенка.

Кокосовыя пальмы.

Лишь изрѣдка вокругъ хижины папуаса разбита плантація, гдѣ онъ выращиваетъ необходимыя для себя растенія. Большой же частью эти плантаціи устраиваются далеко отъ деревни, въ хорошо защищенномъ отъ враговъ мѣстѣ. Самая тяжелая работа—расчистка лѣса, обработка поля и обнесение его высокой оградой—дѣлается всей деревней сообща.

Нелегко очистить будущую плантацію отъ дѣвственнаго лѣса, имѣя въ рукахъ только каменный топоръ. Мужчины каменными сѣкирами срубаютъ стволы, сжигаютъ кусты и вѣтви; если дерево не поддается топору, у него обрубаютъ вѣтви, стволъ поджигаютъ, и тогда дерево, лишенное вѣтвей и обгорѣлое, не долго противится гніенію и скоро поддается каменному топору. Когда плантація свободна отъ деревьевъ, начинается обработка земли. Нѣсколько человѣкъ мужчинъ становятся въ рядъ и толстыми острыми палками поднимаютъ большіе куски земли, иногда нѣсколько разъ подъ рядъ; слѣдомъ за ними женщины небольшими узкими лопатами разбиваютъ эти комки; неразбившіеся комки перетираютъ руками дѣти.

Вся плантація обносится оградой изъ сахарнаго тростника выше человѣческаго роста; тростникъ пускаетъ корни, и изгородь дѣлается еще крѣпче. Чтобы обезопасить всю плантацію

отъ дикихъ свиней, папуасы въ оградѣ не дѣлають входа, а по особымъ приспособленіямъ лазають черезъ изгородь.

Огороженная уже земля дѣлится на участки для каждаго семейства, и чѣмъ больше семья, тѣмъ болѣе большой кусокъ плантаціи она получаетъ.

Только хорошо обработанная плантація, и раздѣленная на участки, засаживается растеніями—кокосовыми, саговыми пальмами, бананами, сахарнымъ тростникомъ и различными овощами.

Очисткой плантаціи отъ деревьевъ, раздѣлкой земли, постановкой изгороди и посадкой деревьевъ, то-есть самой тяжелой работой на плантаціи, оканчивается вся забота о ней для мужчинъ, остальная работа ложится всецѣло на женщинъ.

Вообще у папуасовъ на долю женщинъ, какъ почти у всѣхъ дикарей, выпадаетъ болѣе тяжелая работа.

Онѣ должны поддерживать порядокъ на плантаціи, собирать на ней плоды, искать плоды дикорастущихъ деревьевъ, носить домой дрова и воду, разводить огонь, на нихъ же, конечно, ложится и приготовленіе пищи и забота о дѣтяхъ и домашнихъ животныхъ. Еще до восхода солнца выходятъ онѣ на работу и возвращаются вечеромъ, тяжело нагруженными съ двумя мѣшками на спинѣ и съ вязанкой на головѣ. Въ одномъ изъ мѣшковъ у нихъ лежатъ собранные плоды, въ другомъ—грудной ребенокъ, молодой поросенокъ или шенокъ, къ которымъ папуаски относятся съ большой нѣжностью. Отъ тѣсноты, которой онѣ привязываютъ къ головѣ эти мѣшки, у женщинъ образуется на черепѣ глубокое вдавленіе. Вообще, благодаря такой тяжелой работѣ папуасскія женщины рѣдко доживаютъ до старости.

И въ домѣ женщина занимаетъ низшее мѣсто, она получаетъ худшую пищу, не имѣетъ права ѣсть вмѣстѣ съ муж-

Бананъ.

чинами, не имѣть права входить на барлу и принимать участіе въ торжественныхъ церемоніяхъ и пиршествахъ, на которыхъ даже готовятъ только мужчины. Присутствіе женщины на похоронахъ только оскорбляетъ умершаго, а похо-

Папуасскія дѣти играютъ въ «Кинемале». Въ этой игрѣ играющіе садятся въ кругъ и поютъ особенную пѣсенку, въ которой говорится: «возьмитесь за руки, похлопайте руками, возьмитесь за уши» и т. д. Дѣти выполняютъ все то, о чемъ говорится въ пѣснѣ.

роны женщины, такъ же какъ и ребенка, не сопровождаютъ никакими церемоніями.

Но, несмотря на то, что какъ будто положеніе женщинъ у папуасовъ приниженное, подневольное,—отношеніе къ нимъ самое доброе, ласковое; дѣтей своихъ папуасы любятъ и балуютъ, вырѣзая имъ различныя игрушки въ родѣ корабликовъ и кубарей. Уже съ ранняго возраста дѣти начинаютъ помогать старшимъ, моютъ посуду, носятъ дрова, разводять огонь, дѣлаютъ все, что имъ по силамъ, и мальчики рано начинаютъ сопровождать отца на охотѣ и рыбной ловлѣ.

Дома папуасскія дѣти—веселые, живые ребята. Много есть у нихъ игръ, часто игры сопровождаются пѣніемъ. Вотъ они усѣлись въ кружокъ и подъ пѣніе продѣлываютъ разныя движенія. Всѣ должны дѣлать сразу то, что поется въ пѣснѣ—скрестить пальцы, глядѣть на нихъ, заткнуть уши, взять другъ друга за уши, потянуть другъ друга за волосы. Слова этихъ пѣсней придумываются самими дѣтьми во время игры.

Въ то время, когда женщины-папуаски работаютъ на плантаціяхъ, мужчины съ ранняго утра уходятъ на рыбную ловлю или охоту. Среди дня они снова возвращаются домой, дожидаясь обѣда. Обѣдъ часто варятъ нѣсколько семействъ вмѣстѣ въ одномъ горшкѣ. Главная пища папуасовъ—это плоды и овощи плантанцій, плоды и даже почки дикорастущихъ растений, а изъ растений больше всего ѣдятъ ямсъ и таро. Мясная пища очень рѣдка, такъ какъ только по большимъ праздникамъ закалываютъ папуасы собакъ или свиней, которыхъ разводятъ для этого, но и то одна свинья обыкновенно дѣлится на нѣсколько семей.

На этихъ же торжествахъ мужчины готовятъ и любимый папуасскій напитокъ—кеу. Для этого напитка листья и стебли особеннаго вида перца пережевываются молодыми мужчинами, переходя поочереды изъ одного рта въ другой. Когда эти стебли достаточно пропитаются слюной, они складываются въ общую чашку съ отверстіемъ посрединѣ, сокъ отжимается, и получаемая кашица еще нѣсколько разъ промывается водой. Вотъ эта-то жижа и пьется папуасами съ большимъ удовольствіемъ только по самымъ торжественнымъ случаямъ. Готовятъ и пьютъ кеу только мужчины, женщинамъ это запрещается.

Ѣдятъ папуасы и большихъ ящерицъ, жуковъ, варя ихъ, а также рыбъ, которыхъ ловятъ сѣтями или убиваютъ копьями. Вмѣсто соли папуасы употребляютъ золу долго лежавшихъ въ морѣ деревьевъ или же просто варятъ пищу въ прѣсной водѣ, прибавляя въ нее $\frac{1}{3}$ морской.

Утварь папуасовъ большей частью дѣлается изъ дерева и украшается различными узорами, вырѣзанными каменными или костяными инструментами, полируется раковинами и натирается черной краской. Эти издѣлія папуасовъ очень красивы.

„Когда осматриваешь постройки папуасовъ или лады, утварь и оружіе и при этомъ каменный топоръ, а также кремни и раковины, которыми они обдѣлываютъ эти предметы,—писалъ Миклуха-Маклай,—можно удивляться громадному терпѣнію и искусству этихъ дикарей. Особенно удивляютъ гребни и стрѣлы, сдѣланные весьма удачно“.

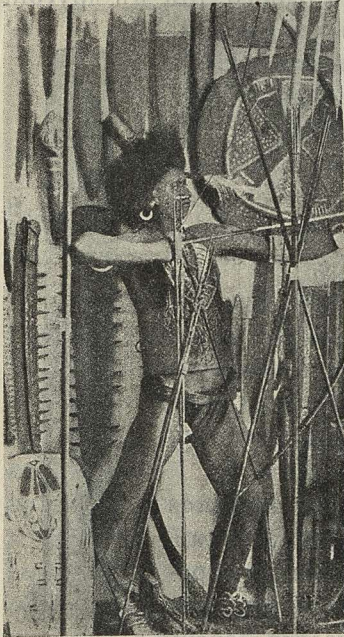
Рѣзной
сосудъ изъ
бамбука.

Глиняная посуда производится только однимъ селеніемъ и расходуется потомъ по всѣмъ окрестнымъ селеніямъ.

Ложки у папуасовъ дѣлаются изъ маленькихъ раковинъ, ножъ—изъ кости кенгуру или свиньи, а вилка—небольшая заостренная палочка. Самый необходимый инструментъ для приготовленія пищи—это гладкая раковинка съ вырѣзанными камнемъ зубцами—для выскабливанія кокосоваго орѣха. Такая раковинка-ложечка, костяные щипчики для раскалыванія орѣховъ, рѣзанья и скобленія, находятся всегда у папуаса-мужчины на шеѣ въ мѣшечкѣ. На шеѣ же носить онъ и мѣшечки съ талисманами и табакомъ. Кромѣ того, у него на плечахъ надѣтъ мѣшокъ съ рыболовными и охотничьими принадлежностями. У женщинъ эти мѣшки больше и служатъ

для болѣе тяжелой ноши—собранныхъ плодовъ, топлива или дѣтей.

Кромѣ этихъ мѣшковъ, единственной одеждой мужчинъ и женщинъ служитъ кусокъ древесной ткани, который они носятъ вокругъ пояса или въ видѣ цѣлой юбочки или только фартукомъ спереди и сзади. Иногда болѣе длиннымъ кускомъ закрываютъ въ холодную погоду плечи. Все остальное тѣло остается голымъ и покрывается лишь татуировкой и браслетами изъ травъ и лѣнъ, съ украшеніями изъ мелкихъ раковинъ, собачьихъ зубовъ. Татуируютъ папуасы лицо, грудь и руки, на темнокоричневой кожѣ насѣкаются разные рисунки и закрашиваются тлѣющимъ углемъ и цвѣтной глиной. На шею надѣвается ожерелье изъ отточенныхъ раковинъ, черепаховыхъ колецъ, собачьихъ зубовъ, клыковъ дикихъ свиней. Въ уши продѣваются блестящіе камни, раковины. Въ носовой перегородкѣ иногда дѣлается отверстіе, и черезъ него еще съ дѣтства продѣвается палочка изъ бам-

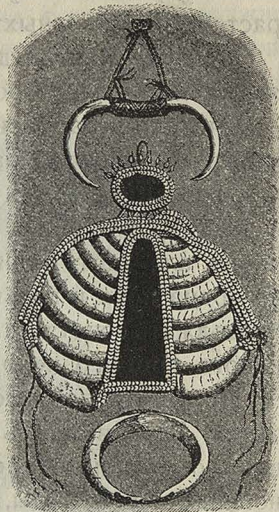

Папуасъ въ полномъ одѣяніи. Сзади щиты, палицы и топорь.

бука. Въ уши продѣваются блестящіе камни, раковины. Въ носовой перегородкѣ иногда дѣлается отверстіе, и черезъ него еще съ дѣтства продѣвается палочка изъ бам-

бука или какого-нибудь хорошо пахнущаго растенія, камушки или раковины.

Украшенія папуасовъ-мужчинъ гораздо пышнѣй и замысловатѣй, чѣмъ папуасовъ-женщинъ. Самымъ цѣннымъ украшеніемъ мужчинъ считается ожерелье съ кабаньимъ клыкомъ. Волосы папуасовъ длинные черные, курчавые и часто украшаются гребнями. За эти курчавые волосы и прозвали ихъ малайцы *папуа*, что значитъ по-малайски—курчавый.

Носовое украшеніе. Грудной щитъ и браслетъ изъ кабаньихъ клыковъ.

Все то, что служить у папуасовъ украшеніемъ и вещами первой необходимости,—все это идетъ на обмѣнъ между жителями разныхъ деревень. Отправляясь къ своимъ сосѣдямъ, папуасъ несетъ все, что есть у него лишняго, и вымѣниваетъ на необходимые для себя предметы. Такъ получаютъ береговые жители глиняную утварь, жители горъ—дерево для добыванія соленой золы, разныя селенія обмѣниваются продуктами своихъ плантацій. Въ видѣ денегъ идутъ и раковины.

Но такъ какъ каждая деревня производитъ и добываетъ почти все, что необходимо для жизни, сношенія папуасскихъ деревень другъ съ другомъ настолько малы, что „почти въ каждой деревнѣ,—пишетъ Миклуха-Маклай,—сохранился свой языкъ; жители деревень, отстоящихъ на 2—3 часа ходьбы, совершенно не понимаютъ другъ друга. Только старики знали 2 или 3 языка, для изученія которыхъ они нѣкоторое время проживали въ чужой деревнѣ. Случалось нерѣдко, что туземцы не могли сказать мнѣ иного слова на своемъ собственномъ языкѣ и обращались въ такихъ случаяхъ къ старикамъ“.

Языкъ папуасовъ вообще очень бѣденъ. Миклуха-Маклай говоритъ, что когда онъ выучилъ до 350 словъ на ихъ языкѣ, для него это оказалось совершенно достаточно, чтобы свободно объясняться и понимать туземцевъ.

„Въ языкѣ папуасовъ,—пишетъ Миклуха-Маклай,—не мало словъ, представляющихъ звукоподражаніе, напримѣръ, въ названіяхъ различныхъ животныхъ и птицъ.“

„Словъ для опредѣленія явленій природы—42, названій растений и животныхъ—54, человѣка и частей его тѣла—87, жилища, утвари и лодки—43, одежды, оружія, музыкальных инструментовъ—29, прилагательныхъ и нарѣчій—17, глаголовъ—52, именъ мужскихъ большею частью по названіямъ растений и животныхъ—90“.

Миклуха-Маклай думаетъ, что всего словъ въ папуасскомъ языкѣ не больше 1000.

Считаютъ папуасы очень своеобразно: „Прижимая пальцы одинъ къ другому, папуась говоритъ: бе, бе, бе... на пятомъ онъ говоритъ: ибонъ бе—одна рука, затѣмъ онъ перебираетъ пальцы другой руки, приговаривая: бе, бе, бе... и на пятомъ—ибонъ али—двѣ руки, дальше продолжая: ве, ве, ве до Самбу-бе—одна нога и дальше Самбу-абы—двѣ ноги. Если ему нужно продолжать счетъ, то онъ беретъ въ расчетъ пальцы рукъ и ногъ другого человѣка и такъ далѣе“.

Привычки папуасовъ во многомъ напоминаютъ привычки дѣтей. Если папуась ушибется, упавъ на землю или стукнувшись о что-нибудь, онъ останавливается и бьетъ рукой виновника своей бѣды, хотя и прекрасно знаетъ, что тотъ ничего не чувствуетъ. Когда папуась удивляется, онъ всовываетъ въ ротъ сперва одинъ палецъ, потомъ другой, третій, а если руки заняты, высовываетъ языкъ, и чѣмъ сильнѣе удивленіе, тѣмъ энергичнѣй онъ это продѣлываетъ.

Способъ здороваться у папуасовъ тоже особенный—при встрѣчѣ они подаютъ другъ другу руки, но нежимаютъ ихъ, а при болѣе радостныхъ встрѣчахъ или нѣжномъ прощаніи, они приближаютъ другъ друга одной рукой къ лѣвому боку, а другой ударяютъ по спинѣ. Это, очевидно, замѣняетъ у нихъ наше объятіе.

Со своими дѣтьми папуасы очень ласковы, и Миклухъ-Маклаю приходилось видѣть, какъ папуаска-мать, лаская, лизала личико своего ребенка.

Изъ обрядовъ папуасовъ самый торжественный и сложный обрядъ,—это обрядъ похоронъ. Если умираетъ папуась-мужчина,—вся окрестность извѣщается ударомъ въ „барумъ“. На слѣдующее утро или тотчасъ же собираются мужчины въ вооруженіи и останавливаются недалеко отъ хижины умершаго. Второй ударъ въ барумъ—и воины приближаются къ хижинѣ. Здѣсь уже стоятъ мужчины, одѣтые по-военному. Всѣ собравшіеся дѣлятся на два лагеря и разыгрываютъ что-то

въ родѣ сраженія, въ которомъ иногда все же бываютъ легко раненые. Послѣ сраженія близкіе умершаго выносятъ его изъ хижины, сажаютъ и начинаютъ окутывать листьями и лианами. Когда получается нѣчто въ родѣ корзины или свертка, его снова вносятъ въ хижину и вокругъ него кладутъ ѣду, разные подарки и вещи. Около трупа жена покойнаго должна поддерживать постоянный огонь. Когда трупъ разложится или высохнетъ, его зарываютъ тутъ же въ хижинѣ. Черезъ годъ

Дикари Новой Гвинеи строятъ хижину на деревѣ.

отдѣляется нижняя челюсть покойнаго и сохраняется на память. Женщины и дѣти не могутъ принимать участіе въ погребеніи, иначе они оскорбятъ покойника. Погребеніе женщинъ и дѣтей такъ же, какъ и рожденіе ребенка, у папуасовъ не сопровождается никакими церемоніями.

Женитьба папуасовъ тоже происходитъ довольно просто. Женихъ ведетъ переговоры съ родственниками невесты и условливается главнымъ образомъ о подаркахъ—деревянной утвари и древесной же матеріи. Если переговоры кончатся

согласіемъ родныхъ, то назначается пиршество, на которомъ закалывается свинья или собака, и послѣ пира папуаска идетъ уже жить въ хижину мужа. Но папуасская дѣвушка выходитъ замужъ только по своему желанію. На нѣкоторыхъ островахъ есть даже обычай, по которому дѣвушка убѣгаетъ въ лѣсъ, и женихъ въ 2 или 3 дня долженъ найти ее. Если она не хочетъ войти въ его хижину, она всегда сумѣетъ на этотъ срокъ спрятаться такъ, что ее невозможно будетъ найти.

Несмотря на все то, что было говорено и писалось о „дикихъ племенахъ“ въ различныхъ трудахъ и журналахъ, дикари-папуасы, какъ и ожидалъ Миклуха-Маклай, оказались добрымъ, мирнымъ, простодушнымъ народомъ, они прекрасно оцѣнили любовное, братское отношеніе къ себѣ своего бѣлаго сосѣда и платили ему лишь безконечной любовью и преданностью и надолго сохранили къ нему это отношеніе. Уже вернувшись въ Россію, Миклуха-Маклай встрѣтилъ участника одной экспедиціи, побывавшей на берегу Маклая, который сообщилъ ему, что хижина его находилась въ томъ же видѣ, какъ и была оставлена, и что дверь и замокъ были цѣлы, а плантація вокругъ дома содержалась такъ хорошо, что имѣла видъ сада. Когда онъ взялся за замокъ, чтобы узнать, нельзя ли войти въ хижину, то полудюжина рукъ схватила его, и папуасы объяснили знаками, что ему тутъ нечего искать и что это принадлежитъ Маклаю, имя котораго дикари безпрестанно повторяли. Они говорили такъ внушительно, что бѣлые поспѣшили обратиться, боясь нападенія.

Такъ чтити папуасы „своего Маклая“ и такъ свято сохраняли все, что принадлежало ему.

Бодро и радостно жилъ и работалъ Миклуха-Маклай среди папуасовъ, которыхъ и самъ полюбилъ всей душой.

„Дни здѣсь мнѣ казались,—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ,—слишкомъ коротки, такъ какъ мнѣ почти-что никогда не удавалось окончить къ вечеру все то, что я утромъ предполагалъ сдѣлать въ продолженіе дня“.

Онъ продолжалъ свои научныя работы, дѣлалъ замѣтки и удѣлялъ много времени своимъ друзьямъ-папуасамъ. Не навязывая имъ своихъ услугъ, онъ мало-по-малу тѣсно сплелъ свою жизнь съ ними и сдѣлался лучшимъ и сильнѣйшимъ совѣтчикомъ во всѣхъ важныхъ общественныхъ и частныхъ дѣлахъ папуасовъ. Но больше всего радовало Миклуху-Маклая это то, что, благодаря своему вліянію, ему удавалось не разъ

останавливать войны, такъ часто происходившія до него между папуасскими деревнями.

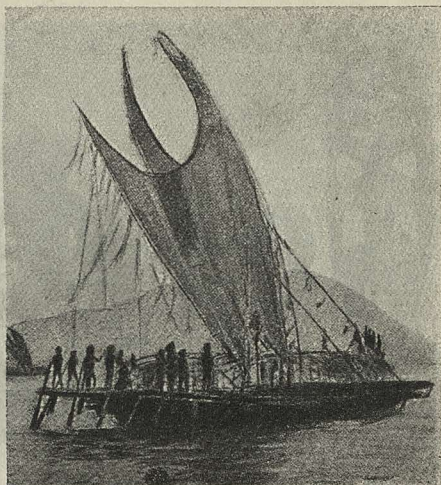
Одной изъ многихъ причинъ войнъ являлось повѣрье, что смерть происходитъ отъ заговореннаго съ этой цѣлью предмета. Папуасъ вѣритъ, что этотъ предметъ приготовляютъ враги деревни, въ которой онъ живетъ. Родственники и друзья умершаго собираются и рѣшаютъ, въ какой деревнѣ и кѣмъ былъ приготовленъ „онимъ“, то-есть заговоренный предметъ. Перебираются всѣ недруги покойнаго, и, наконецъ, если не онъ самъ, то по крайней мѣрѣ деревня, гдѣ живетъ недругъ, открыта; тогда составляется планъ похода, и объявляется война.

Однажды въ деревнѣ Бонгу неожиданно умеръ молодой и здоровый папуасъ. Черезъ нѣсколько дней его брата, мальчика 9 или 10 лѣтъ, укусила змѣя, и онъ тоже умеръ.

По вѣрованіямъ папуасовъ, все это произошло по колдовству враговъ, — кѣмъ-то былъ приготовленъ „онимъ“. Родные требовали объявить войну горной деревнѣ, часто обвинявшейся въ колдовствѣ, но Миклуха-Маклай рѣшилъ сдѣлать все, чтобы войны не было.

„Я не могъ смотрѣть сложа руки на такое положеніе дѣлъ въ деревнѣ Бонгу, — пишетъ Миклуха-Маклай. — Я обдумалъ планъ, который долженъ былъ произвести впечатлѣніе. Придя въ обычный часъ (передъ заходомъ солнца) въ Бонгу, я замѣтилъ, что туземцы интересуются узнать мой взглядъ. Я сказалъ: что „хотя очень жаль отца, потерявшаго двухъ сыновей, молодыхъ и здоровыхъ, но что войны все-таки не должно быть“.

„Вѣсть, что Маклай говорилъ: „войны не должно быть“, облетѣла мигомъ всю деревню. Набралась значительная толпа, и почти всѣ старики обступили барлу, въ которой я нахо-

Лодка папуасовъ.

дился, каждый старался меня убѣдить, что война положительно необходима“.

Разубѣждать ихъ Миклуха-Маклай считалъ излишнимъ; онъ выслушалъ многихъ и, собираясь уходить, повторилъ тѣмъ же обыкновеннымъ голосомъ: „Войны не должно быть. Если же вы отправитесь въ походъ, въ горы, съ вами случится несчастье“.

„Наступило торжественное молчаніе, затѣмъ послышались вопросы: „Что случится? Что будетъ? Что Маклай сдѣлаетъ?“

„Я отвѣтилъ коротко: „Сами увидите, если пойдете“.

Деревянные изображенія предковъ папуасовъ, въ которыхъ живеть духъ умершихъ.

„Не успѣлъ я дойти до воротъ моей хижины, какъ одинъ старикъ нагналъ меня и, запыхавшись отъ ходьбы, проговорилъ: „Если тамо Бонгу (люди Бонгу) отправятся въ горы, не случится ли тангринъ (землетрясеніе)?“

„Этотъ странный вопросъ и запыхавшійся старикъ показали мнѣ, что слова мои произвели впечатлѣніе.

„— Маклай этого не говорилъ,—возразилъ я.—Нѣтъ, но Маклай сказалъ, что случится большая бѣда“.

— „А тангринъ большая бѣда, всѣ люди боятся тангринъ. Что, случится тангринъ?“

„— „Можетъ-быть“,—былъ мой отвѣтъ.

„Старикъ быстро пустился въ обратный путь. Недѣли черезъ двѣ пришелъ ко мнѣ житель этой деревни, самый старый мой пріятель, съ неожиданною новостью, что онъ и всѣ жители Горенлу рѣшили покинуть свою деревню“.

Оказалось, что деревня Бонгу боялась землетрясенія, а если бы оно случилось, то пострадала бы и деревня Горенлу.

„Разъ они возвели меня въ санъ „Каарамъ—тамо“—(человѣкъ съ луны) и придали мнѣ неземное происхожденіе, то

каждый поступокъ мой, каждое мое слово утверждали въ нихъ это мнѣніе.

„Проходитъ уже третій годъ,—ни одинъ папуасъ не перешагнулъ еще порога моего дома. Незначительный жестъ Каарамъ-тамо достаточенъ, чтобы удержать, если хочу, туземцевъ въ почтительномъ отдаленіи. Пристальный взглядъ Каарамъ-тамо достаточенъ, чтобы нанести вредъ здоровымъ и исцѣлить больныхъ“.

И Миклуха-Маклай цѣнилъ такое отношеніе къ себѣ со стороны папуасовъ, но всѣми силами старался обратить его имъ же на пользу, и съ каждымъ днемъ росло его вліяніе и любовь къ нему папуасовъ.

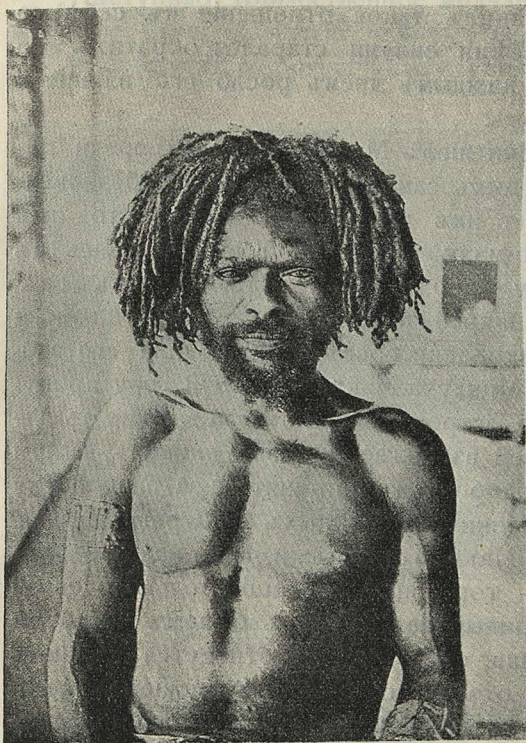
Такъ мирно, по-братски жилъ Миклуха-Маклай среди папуасовъ, незамѣтно для нихъ самихъ оказывая имъ безконечныя услуги, вліяя на всю ихъ жизнь, уча всему, что имъ полезно, и самъ мало-по-малу всей душой привязываясь къ этому простому, доброму народу. Съ грустью думалъ онъ, что придется оставить дикарей, потому что трудная жизнь и постоянные приступы лихорадки совсѣмъ подкосили его здоровье. И дѣйствительно, Миклуха-Маклай въ 1878 году принужденъ былъ переѣхать на островъ Яву, а оттуда дальше въ Австралію въ городъ Сидней въ болѣе здоровый климатъ, чтобы хоть немного окрѣпнуть здоровьемъ и приняться за разработку массы матеріаловъ и коллекцій, собранныхъ на берегу Маклая.

Жутко было Миклухѣ-Маклаю при мысли, что и на его берегъ могутъ явиться солдаты, торговцы, думающіе только о своей наживѣ, что папуасы, привыкшіе видѣть въ бѣломъ человѣкѣ своего друга и помощника, съ довѣріемъ отнесутся къ нимъ и много горя потерпятъ отъ этого. Силой и оружіемъ заставить ихъ отдать свои богатства, при малѣйшемъ сопротивленіи будутъ жестоко расправляться съ ними, уничтожая цѣлыя деревни, обманомъ будутъ увозиться они въ рабство и тамъ изнывать въ непосильной работѣ. Поэтому Миклуха-Маклай рѣшилъ предупредить папуасовъ о грозящей, можетъ-быть, имъ опасности, совѣтовалъ не сразу довѣрять „всѣмъ бѣлымъ“, совѣтовалъ при появленіи судна отправлять своихъ женъ и дѣтей въ горы, а самимъ никогда не выходить къ бѣлымъ вооруженными, такъ какъ тогда они непременно начали бы стрѣлять, а противъ ружья и револьвера не защитили бы папуасовъ ихъ стрѣлы. Впослѣдствіи Миклуха-Маклай узналъ, что всѣ его совѣты точно исполняются папуасами.

Пробывъ въ Сиднеѣ годъ и немного отдохнувъ, Миклуха-Маклай снова ѣдетъ путешествовать. На этотъ разъ онъ рѣшилъ разслѣдовать, какъ ведется торговля рабами, чтобы всѣми силами бороться съ ней. Для этого онъ ѣдетъ въ Новую Каледонію, Ново-Гебридскіе и Адмиралтейскіе острова, гдѣ торговля рабами была очень развита. И на этихъ островахъ встрѣчали Миклуху-Маклая какъ добраго друга; нашлись и здѣсь

люди, которые его знали и которые много о немъ слышали.

На плантаціяхъ Америки не хватало рабочихъ рукъ, негровъ-невольниковъ нельзя уже было достать и изъ Африки послѣ того, какъ въ Америкѣ было уничтожено рабство. Китайцы, испытывшіе на себѣ жестокость нанимателей, не соглашались больше ѣхать. Пришлось искать рабочихъ на островахъ Тихаго океана. Черные островитяне соглашались наниматься на одинъ, два года и уѣзжали, думая снова вернуться домой, а вмѣсто этого

Папуасъ.

ихъ задерживали нѣсколько лѣтъ, смотрѣли на нихъ хуже, чѣмъ на рабовъ, такъ какъ тѣми дорожили и хотъ отчасти берегли, этихъ же непосильнымъ трудомъ и жестокостью замучивали до смерти.

Очень рѣдко кому удавалось вернуться обратно. Но и такой способъ добычи рабочихъ казался мало выгоднымъ, и скоро дешевые рабы стали добываться простой кражей. Дикарей заманивали на корабль для обмѣна товарами или разда-

чей табака, блестящихъ украшеній, опускали люкъ и обманомъ увозили далеко отъ родного берега. Можно себѣ представить, какъ обращались такіе люди съ своими рабами. Они не оставались ни передъ чѣмъ, чтобы выгоднѣй продавать свой живой товаръ и побольше барыша получить отъ ихъ работы. Можно себѣ представить, какъ раздѣлывались они, пользуясь своимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, за каждое возмущеніе дикарей, за каждое сопротивленіе, а тѣмъ болѣе убійство ими благаго.

Не даромъ же Миклуха-Маклай, отправляясь въ 1879 году на острова Тихаго океана, среди другихъ условій, заключенныхъ съ капитаномъ шхуны, поставилъ слѣдующее: „Въ случаѣ, если Миклуха-Маклай будетъ убитъ туземцами одного изъ острововъ, капитанъ Вебберъ обѣщаетъ не позволить себѣ *никакихъ* насилій относительно туземцевъ подъ видомъ наказанія“.

Дальше онъ говоритъ: „Вина бѣлыхъ въ отношеніи островитянъ Тихаго океана, по моему мнѣнію, такъ *громадна*, что всякое такъ называемое наказаніе только увеличиваетъ число преступленій противъ нихъ“. Вотъ почему потеряли дикари вѣру въ благаго человѣка, и началась расправа съ бѣлыми кровавой мстью. Оставшіеся мстили за увезенныхъ и, не видя похитителей, мстили всѣмъ бѣлымъ безъ различія.

Начальникъ одного китоловнаго судна пишетъ такъ: „Въ прежніе годы туземцы-дикари охотно приносили намъ мѣстные плоды и овощи, пригоняли также свиней. За это снабжали мы ихъ топорами, крючками для удочекъ, табакомъ и прочее. Они насъ благодарили, а мы благодарили ихъ. Нерѣдко вся палуба была полна ими. Но вотъ началась кража людей. Торговцы невольниками воспользовались этимъ. Дикарей легко было заманить внутрь корабля, а торговцы тотчасъ же закрывали люки и отплывали отъ берега. Теперь ни одинъ туземецъ не является болѣе на китоловное судно; мы же съ своей стороны боимся выйти на берегъ. Въ прежнее время мы часто соглашались перевозить на своемъ суднѣ дикарей по ихъ желанію съ одного острова на другой; за это мы получали свиней и плоды. Торговцы-хищники воспользовались и этимъ. Они принимали людей на корабль, но потомъ отправляли ихъ въ невольничество. Если мы потерпимъ теперь кораблекрушеніе, то мы погибли: мы должны будемъ пожертвовать нашей жизнью за тѣхъ, кто былъ похищенъ. Тогда-то будутъ

кричать объ островитянахъ-дикаряхъ, что они кровожадны. Но что же, спрашивается, сдѣлали они? Конечно, дѣло неправое—мстить невиннымъ людямъ. Но развѣ это справедливо—красть людей и насильно продавать ихъ въ невольничество?.. Мы только терпимъ отъ такого безчинства. На нѣкоторыхъ островахъ, гдѣ мы жили съ туземцами хорошо, мы должны теперь постоянно остерегаться. Дикари, если съ ними только обращаются ласково, и сами будутъ дружелюбны“.

Вотъ эта-то торговля и кража людей и волновала и возмущала Миклуху-Маклая. Познакомившись съ торговлей рабами и вернувшись въ Австралію, онъ всѣми силами старался бороться съ этимъ зломъ; онъ надѣялся, что всѣ правительства отзовутся на этотъ призывъ и прекратятъ злое дѣло. И дѣйствительно, его поддержало англійское правительство, уже давно старавшееся прекратить работоторговлю на Тихомъ океанѣ.

Побывавъ въ Россіи въ 1882 году, Миклуха-Маклай черезъ годъ снова вернулся въ Австралію, заѣхавъ по дорогѣ на берегъ Маклая навѣстить своихъ старыхъ друзей. Въ Сиднеѣ онъ женился на дочери бывшаго министра Новаго Южнаго Валлиса и здѣсь же хотѣлъ заняться разработкой своихъ записей, а потомъ снова вернуться въ Новую Гвинею. Но это ему не удалось: Миклуха-Маклай заболѣлъ, и ему пришлось снова уѣхать въ Россію, а черезъ годъ онъ перевезъ въ Петроградъ и свою семью.

Въ этотъ годъ онъ, несмотря на свое нездоровье, читалъ нѣсколько лекцій о папуасахъ и устроилъ въ Академіи Наукъ большую выставку вывезенной имъ изъ Новой Гвинеи коллекціи вещей. Маленькій, болѣзненный, утомленный и измученный лихорадкой, Миклуха-Маклай быстро бѣгалъ по залѣ среди толпы, объясняя скороговоркой то тому, то другому употребление различныхъ выставленныхъ вещей, рассказывая безчисленныя исторіи изъ жизни папуасовъ.

Чутко прислушивался онъ къ разговорамъ толпы, пользуясь каждымъ вопросомъ, чтобы еще и еще говорить о своихъ далекихъ друзьяхъ, особенно охотно останавливаясь на хорошихъ чертахъ ихъ характера и горячо, убѣжденно повторяя много разъ, что намъ, цивилизованнымъ, культурнымъ людямъ, многому слѣдовало бы научиться у этихъ „дикихъ“ племенъ.

Но жизнь, полная лишеній, труда и опасностей, губительный климатъ острововъ съ ихъ лихорадкой, подорвали силы, и здоровье Миклухи-Маклая становилось все хуже,

онъ слегъ въ постель, но до послѣдней минуты не переставалъ работать надъ своими записками, готовя ихъ въ печать. Всѣ свои труды онъ передавалъ въ распоряженіе русскаго Географическаго Общества съ просьбой перевести его статьи, напечатанныя въ иностранныхъ журналахъ, и издать все въ Россіи. Всѣ свои многочисленныя богатая коллекціи тоже передалъ онъ Географическому Обществу, а для себя просилъ лишь—расплаты его долга, сдѣланнаго имъ во время своихъ научныхъ путешествій и поддержки его въ теченіи 2-хъ лѣтъ, чтобы окончательно обработать свои записки и, главное,

Папуасская деревня. Бѣлые пріѣхали для покупки рабовъ.

вычеркнуть изъ нихъ все то, что открыто другими за его долгое путешествіе.

Но не успѣлъ Миклуха-Маклай выполнить того, что такъ хотѣлъ: подточенный организмъ не выдержалъ, и 2 апрѣля 1887 года, всего 40 лѣтъ отъ роду, Миклуха-Маклай умеръ.

Почти половину своей жизни прожилъ онъ среди дикарей, отдавая имъ всѣ свои силы, знаніе и любовь, и во время своей послѣдней болѣзни постоянно вспоминалъ ихъ и надѣялся еще навѣстить.

Много цѣнныхъ свѣдѣній пріобрѣла наука благодаря Миклухѣ-Маклаю, многими знаніями обогатилась она, но всего

цѣннѣе то, что этотъ замѣчательный человѣкъ показалъ, какъ одной лаской и любовью можно покорять сердца недо- вѣрчивыхъ „дикарей“-людей, какъ въ нихъ должно прежде всего видѣть брата-человѣка.

„Люди подъ всѣми широтами,—говорилъ Миклуха-Маклай,— всегда остаются людьми. Надо только умѣть подходить къ нимъ, умѣть внушать къ себѣ довѣріе, считаться съ ихъ міровоззрѣніемъ, обычаями и нравами“.

Тѣло Миклухи-Маклая похоронено на петроградскомъ Волковомъ кладбищѣ, и надъ его могилой стоитъ простой деревянный крестъ съ краткой надписью: „Миклуха-Маклай. 1847—1887 г.“

„МАКЪ“

Пятый выпускъ 11. Года 1910.

Издаётся съ 1907 г.

Ежегодно 12 выписокъ, около 100 страницъ, 12 приложений, до 500 рисунковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Кто былъ Миклуха-Маклай	3
II. Первое знакомство на Новой Гвинее съ жизнью папуасовъ	7
III. Дружба завязывается	11
IV. Второй разъ въ Новой Гвинее	16

A decorative horizontal separator. It features a central diamond-shaped ornament with a cross-like design inside. From the top of this diamond, a horizontal line extends to the left and right, with symmetrical scrollwork and floral motifs at the ends. The entire design is rendered in a dark, possibly ink, on a light background.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МАЯКЪ“

ДЛЯ ДѢТЕЙ СТАРШАГО И СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА, СЪ ОТДѢЛОМЪ
ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ.

Подъ редакціей *И. Горбунова-Посадова.*

ИЗДАЕТСЯ СЪ 1909 ГОДА.

Ежегодно 12 книжекъ, около 100 страницъ каждая, не менѣе 12
приложеній, до 500 иллюстрацій.

Журналъ издается при участіи Е. И. Алькора, П. А. Буланже, Е. Е. Горбуновой, Н. И. Живаго, С. Н. Дурылина, Л. и Ж. Караваевыхъ, Е. Е. Коротковой, В. И. Лукьянской, И. Ф. Наживина, С. Орловскаго, С. В. Покровскаго, С. А. Порѣцкаго, Н. А. Рубакина, С. Т. Семенова, Е. К. Соломина, А. К. Чертковой, Н. А. Ульянова и другихъ постоянныхъ сотрудниковъ „Библиотеки И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества“.

Редакція „МАЯКА“ стремится дать дѣтямъ здоровое, полезное и интересное чтеніе и способствовать развитію въ дѣтяхъ самодѣятельности, творчества, равной любви къ умственному и физическому труду и дѣятельной симпатіи ко всему живому. Въ этихъ стремленіяхъ редакція „МАЯКА“ ищетъ поддержки со стороны всѣхъ дѣтскихъ друзей.

Въ журналѣ помѣщаются: 1) Разсказы, повѣсти и стихотворенія. 2) Географическіе очерки и путешествія. 3) Историческіе очерки и біографіи. 4) Бесѣды по естествознанію и наблюденіямъ природы. 5) Объ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ. 6) По бѣлу свѣту. 7) Изъ книгъ и журналовъ. 8) Переписка читателей и редакціи. 9) Изъ работъ нашихъ читателей. 10) Смѣсь (задачи, игры, шутки и т. д.)

Въ числѣ 12 приложеній даются книжки и чертежи о томъ, какъ дѣтямъ самимъ дѣлать интересные для нихъ приборы, машины, какъ дѣлать опыты и наблюденія, совѣты о рисованіи, вообще руководства къ разнымъ занятіямъ и играмъ въ комнатѣ и на открытомъ воздухѣ и т. д.

Въ текстѣ журнала и приложеній помѣщается множество иллюстрацій.

Журналъ допущенъ по предварительной подпискѣ въ городскія училища, по Положенію 1872 г., въ бібліотеки низшихъ ремесленныхъ, профессиональных и техническихъ училищъ всѣхъ типовъ и въ ротныя бібліотеки 1-го и 2-го классовъ кадетскихъ корпусовъ. Рекомендованъ для пополненія бібліотекъ Попечительствъ о Народной Трезвости.

Подписная плата съ пересылкой въ годъ 4 р., за полгода 2 р. За границу 6 р. Въ Москвѣ безъ доставки на домъ 3 р. 50 к., на полгода 1 р. 75 к. Цѣна отдѣльныхъ номеровъ въ продажѣ 40 коп.

Подписка принимается: 1) въ конторѣ редакціи журнала „МАЯКЪ“: Москва, Дѣвичье поле, Трубечкой пер., д. № 8. 2) Въ книгоиздательствѣ „Посредникъ“ (Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ). 3) Въ книжномъ магазинѣ „Посредникъ“ (Москва, Петровскія линіи) и во всѣхъ другихъ книжныхъ магазинахъ и конторахъ, принимающихъ подписку на журналы.

ИСТОРИЧЕСКІЕ И БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.

Антошка. Повѣсть изъ времени крѣпостного права. М. Ильиной. Съ рисунок. А. М. Петрова. Ц. 40 к., въ папкѣ 60 к., въ перепл. 80 к.

Дѣтскіе годы В. М. Гаршина. Біографич. очеркъ С. Н. Дурылина. Съ 10 рисунок. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к., въ переплетѣ 60 к.

Живая любовь. Разказы о томъ, какъ жилъ, трудился и умеръ Даміанъ де-Вестеръ, другъ прокаженныхъ. И. Горбунова-Посадова. Изд. 4-е. Съ 3-мя портрет. и рисунок. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к., въ переплетѣ 55 к.

Жизнь Диккенса, рассказанная дѣтямъ. Составилъ С. Орловскій. Съ 12 рис. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к., въ переплетѣ 60 к.

Исторія маленькаго чело-вѣка. Біографія Гренвиля Шарпа. Составлена Н. А. Рубакинымъ. Ц. 17 к., въ папкѣ 27 к., въ переплетѣ 45 к.

Испанскіе братья. Повѣсть изъ времени инквизиціи въ Испаніи. Л. Олькокъ. Съ англ. перевелъ А. Н. Коншинъ. Съ предисловіемъ И. Горбунова-Посадова. Съ рисунками. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

I. Крѣпостныя дѣти. Очеркъ. С. Дурылина. **II. Пѣсни о**

неволѣ и волѣ. Собралъ И. Горбуновъ-Посадовъ. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Марраны. Повѣсть изъ времени испанск. инквизиціи Г. Янтаревоу. Съ рисунками Н. Живаго. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к., въ переплетѣ 75 к.

Освободители черныхъ рабовъ. Очерки изъ времени освобожденія невольниковъ въ Сѣв.-Амер. Соедин. Штатахъ. И. Горбунова-Посадова. Съ рисунками. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

Разказы объ инквизиціи. Историческій очеркъ Н. Гусева. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Тысячи лѣтъ тому назадъ. Исторія Греціи. Со мног. рис. Изд. 2-е. Составила В. Лукьянская. Ц. 1 р. 30 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 70 к.

Хижина дяди Тома. Романъ Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійск. Е. Б. Съ приложеніемъ статьи И. Горбунова-Посадова: **Освободители черныхъ рабовъ.** Изд. 4-е. Съ 80 рисунок. и портретами. Ц. 1 р. 30 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. Роскошное изданіе въ переплетѣ. Ц. 3 р.

Янъ Амось Коменскій. Біографическій очеркъ, составлен. Н. А. Рубакинымъ. Ц. 12 к., въ папкѣ 22 к., въ перепл. 45 к.

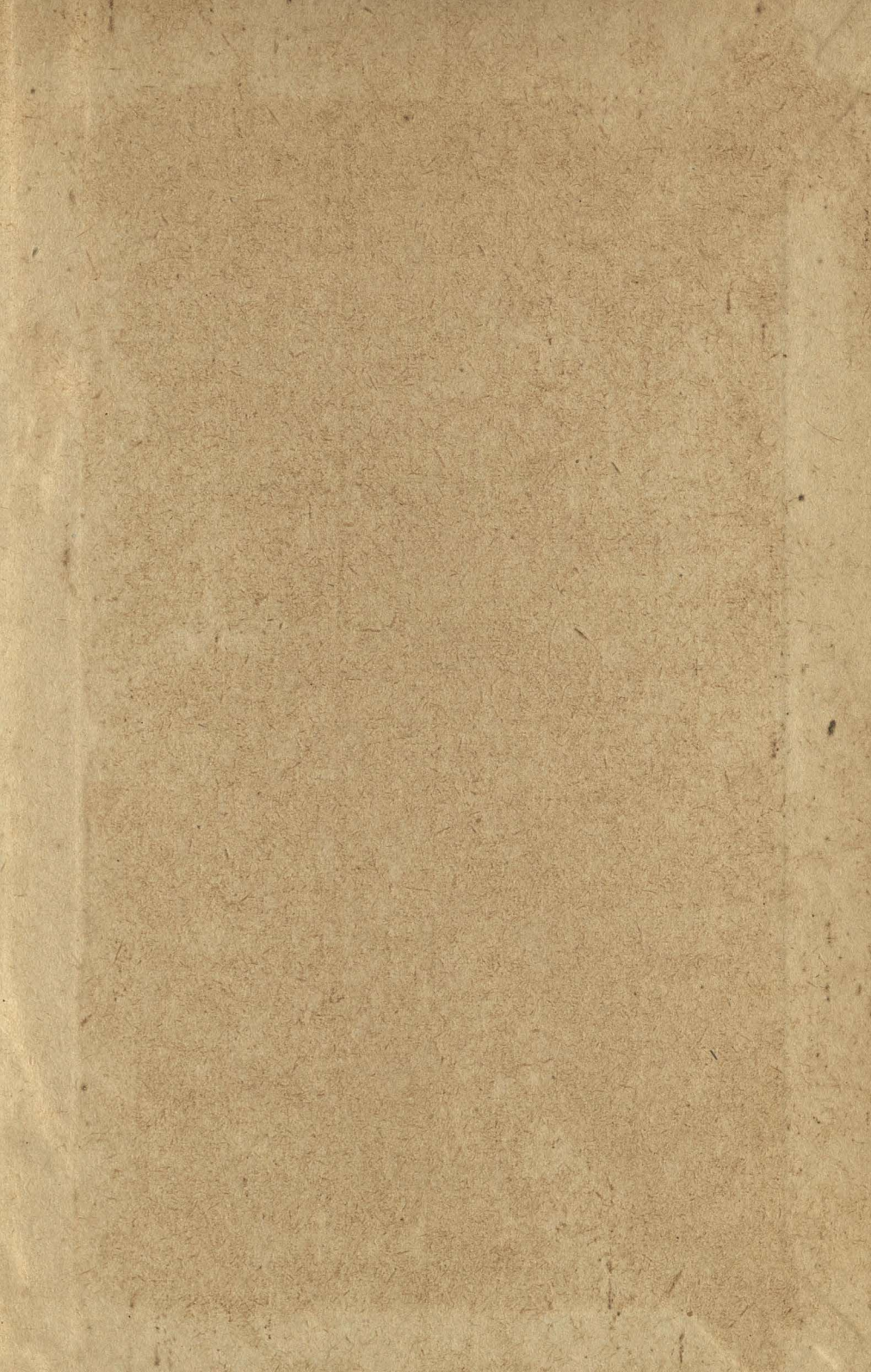
Продаются въ книжномъ магазинѣ „Посредникъ“: (Москва, Петровскія линіи) и въ другихъ книжныхъ магазинахъ и земскихъ книжныхъ складахъ. Выписывать изъ главнаго склада издательства: Москва, Арбатъ, д. 36. И. И. ГОРБУНОВУ.

Отсюда же высылается полный каталогъ бесплатно.

Цѣна 25 коп.

Въ папкѣ 40 коп.

2024380784